

новения и практика использования выражения «польские лагеря смерти», а также дискуссии, развернувшиеся вокруг проблемы соучастия поляков в Холокосте. Затем анализируется позиция правящей партии и конкретно ее лидера Я. Качиньского относительно указанных тем. И, наконец, демонстрируются методы, которые использует нынешнее польское правительство для защиты доброго имени польского народа.

Примечания

¹ Ustawa z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucji Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary // Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 369. Art. 55a. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=W-DU20180000369> (дата обращения: 21.03.2018).

² Prokurator generalny krytykuje kluczowy zapis ustawy o IPN. «Ziobro obrócił się przeciw Ziobrze» // Gazeta.pl. Wiadomości. 22.03.2018. URL: <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114883,23174535,ziobro-wytyka-niekonstytucyjnosc-kluczowego-zapisu-ustawy-o.html> (дата обращения: 30.03.2018).

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.6

М. В. Ведерников

Подход к вишеградскому (центральноевропейскому) сотрудничеству: взгляд из России

Взаимодействие Российской Федерации с Вишеградской четверкой (далее — В4) не имеет четко выраженных форм сотрудничества. Вместо этого МИД РФ предпочитает выстраивать отношения с центральноевропейским регионом, в рамках которого В4 является наиболее длительно функционирующим актором и, по словам исследователя Л. Чабады, ее структурирующим ядром, на основе двусторонних контактов со странами объединения (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия)¹. Между тем место Центральной Европы во внешне-

политическом курсе страны за 27 лет ее постсоветского развития менялось.

Провозглашенный в 1991 г. странами объединения курс «на возвращение в Европу» не встретил тогда, еще у советских дипломатов, резких возражений, поскольку трансформационные процессы, происходившие в то время в Центральной Европе, полностью вписывались в логику горбачевского «нового политического мышления». События 1990-х гг. свидетельствовали о том, что в Вишеградской Европе происходило только одно магистральное движение, направленное на отдаление от условного тоталитарного Востока в сторону демократического Запада.

Однако российские дипломаты на тот момент отчетливо осознавали важность сохранения влияния в этом регионе, его стратегическое значение. Так, в первой «Концепции внешней политики РФ» (1992 г.) говорилось о необходимости предотвратить превращение Восточной Европы в «буферный пояс», изолирующий Россию от Запада. Также указывалось на недопустимость вытеснения России западными государствами из региона. Впрочем, для данного документа свойственна и наивность в оценке перспектив усиления влияния РФ.

Важным промежуточным документом, в котором отразилось восприятие российской стороной произошедших изменений в странах Центральной Европы, стал доклад, подготовленный группой ученых на тему «Центральная и Восточная Европа (далее — ЦВЕ. — *М. В.*) и интересы России»² по заказу Совета по внешней и оборонной политике. Лейтмотивом документа служит фраза об «излишне преувеличенной самооценки региона». Что касается российских интересов, эксперты не испытывали иллюзий и отмечали «комичность» самой постановки вопроса о возможности восстановления прежнего уровня отношений со странами региона. Более того, надежды на возвращение былой роли Советского Союза в ЦВЕ должны были остаться на долгие годы «искусительным соблазном, источником “фантомных болей” и нереалистичных подходов».

Нововведения в официальной позиции по отношению к странам В4 (к государствам ЦВЕ) отмечены в обновленной «Концепции внешней политики РФ», которая была обнародована в 2000 г. В ней были приняты во внимание изменения, произошедшие внутри этих стран, а также вступление трех из них³ (за исключением Словакии) в НАТО. Если ранее говорилось о недопущении вытеснения России из «восточноевропейского региона», то теперь, когда это стало данностью, приходилось ограничиваться задачей «сохранения наработанных человеческих, хозяйственных и культурных связей, преодоления имеющихся кризисных явлений и придания дополнительного импульса сотрудничеству в соответствии с новыми условиями и российскими интересами»⁴.

В последующих трех «Концепциях» (2008, 2013, 2016 гг.) можно обозначить постепенное вымывание и последующее исчезновение центральноевропейской проблематики из официальной внешнеполитической доктрины РФ. Так, если в 2008 г. подчеркивалась открытость страны к «прагматичному, взаимоуважительному сотрудничеству» с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы⁵, то в 2013⁶ и 2016⁷ гг. подобные территориальные идентификационные атрибуты были полностью заменены обобщающим определением «другие страны». Трансформация подхода была вызвана, прежде всего, изменением статуса Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, которые к тому времени стали полноправными членами Европейского союза и НАТО. Таким образом, российская сторона стала рассматривать ранее выделяемую часть Европы в качестве составного элемента единого евроинтеграционного объединения.

Важно отметить, что исключение центрально-(восточно)европейской проблематики из повестки официальных документов шло параллельно с активизацией межгосударственных двусторонних отношений со странами В4, которые с конца 1990-х гг. «наполнились новой энергетикой, которая переломила тенденцию к разобщению»⁸. Впрочем, за это время не удалось добиться их постоянства. По словам Л.Н. Шипелиной, они носили «во многом импровизационный, даже

рефлексивный характер», ощущая на себе воздействие как внутренних политических и экономических обстоятельств, так и влияние большой мировой политики⁹.

Неустойчивость поступательного развития отношений России с вишеградскими странами обозначилась в ходе, начавшегося в 2013 г. политического кризиса на Украине, добровольного вхождения республики Крым и г. Севастополь в состав России и вооруженного конфликта в Донбассе. Предпосылки к этому были заложены ранее, когда в 2009 г. В4 встала во главе движения, нацеленного на реализацию программы «Восточное партнерство»¹⁰, получив тем самым возможность «впервые после Второй мировой войны независимо формировать политику в отношении целого региона»¹¹.

В дальнейшем затруднения для налаживания отношений в рамках формата РФ — В4 несомненно усилятся в связи с объявленным планом ЕС о расширении на Балканах¹². Несмотря на то что в последние два десятилетия роль России в этом регионе существенно уменьшилась, исторически этот регион был зоной проникновения российского влияния.

Что касается возможностей установления прямого контакта между В4 и Россией, то его реализация усложняется также фактом отсутствия организационных структур объединения. В4 не имеет ни секретариата, ни штаб-квартиры и иных атрибутов, присущих международным организациям. Эта особенность, которая специалистами рассматривается как залог длительного существования объединения, затрудняет институциональное взаимодействие МИД РФ с ней. Данное обстоятельство в совокупности с позицией группы по ключевым вопросам, затрагивающим напрямую интересы России, создает непреодолимые препятствия на пути к сотрудничеству. Между тем двусторонние контакты между Россией и странами-участницами группы в виду существования различных позиций во внутривнутриполитическом дискурсе Венгрии, Словакии, Чехии и Польши имеют перспективу для дальнейшего развития и укрепления.

Примечания

¹ *Cabada L., Walsch C.* Od Dunajské federace k Visegradské skupině... a zpět. Tra-
diční a nové formáty středoevropské spolupráce. Praha, 2017. S. 58–59.

² Центральная и Восточная Европа и интересы России. Тезисы доклада. URL:
http://www.svor.ru/public/docs_1997_2_8_1351675386.pdf (дата обращения:
15.04.2018).

³ В марте 1999 г. Венгрия, Польша, Чехия стали членами НАТО. Словакии не
удалось стать участником четвертого расширения, ввиду нахождения у власти
В. Мечиара (1994–1998), который проводил политику сближения с Россией и
нарушал права венгерского меньшинства. Словакия вступила в НАТО в 2004 г.

⁴ Концепция внешней политики РФ (2000) // Внешняя политика и безопас-
ность современной России (1991–2002). Т. 4. М., 2002. С. 118. URL: [http://
window.edu.ru/resource/986/46986/files/mion-ino-center09.pdf](http://window.edu.ru/resource/986/46986/files/mion-ino-center09.pdf) (дата обраще-
ния: 01.04.2018).

⁵ Концепция внешней политики РФ (2008). URL: <http://kremlin.ru/acts/news/78>
(дата обращения: 01.04.2018).

⁶ Концепция внешней политики РФ (2013). URL: [http://www.mid.ru/foreign_
policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkVB6BZ29/content/id/122186](http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkVB6BZ29/content/id/122186)
(дата обращения: 01.04.2018).

⁷ Концепция внешней политики РФ (2016). URL: [http://www.mid.ru/foreign_
policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248) (дата обра-
щения: 01.04.2018).

⁸ Вишеградская Европа: откуда и куда? / Под ред. Л.Н. Шишлиной. М., 2010.
С. 445.

⁹ Там же.

¹⁰ Восточное партнерство — инициированный ЕС проект в рамках Европей-
ской политики соседства. Его целью является более тесное сотрудничество
Союза с шестью государствами Восточной Европы и Кавказа (Беларусь, Украи-
на, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан).

¹¹ Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции /
Под ред. Л.Н. Шишлиной. М., 2017. С. 115.

¹² *Саморуков М.* Заедая стресс. Зачем Брюссель объявил о новом расширении ЕС.
URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465> (дата обращения: 02.04.2018).